
Александр ЖДАНОВ

РАССКАЗЫ

ГОРОД ЗОНТОВ

1

В городе все ходили под зонтами. В любую погоду. Особенно же в ясную, когда и солнце не жжет, и можно не прятаться, но спасались под зонтами — взрослые, подростки, маленькие дети. Даже коляски младенцев закрывали широкие зонты. И у всех зонты были вызывающе, неестественно яркой расцветки.

Все это Балашов увидел утром, когда выглянул на улицу из гостиничного окна. Выглянул и даже сфотографировал это необычное зрелище: самих улиц практически не было видно — внизу текли, сливаясь, переходя одна в другую, разноцветные реки, а из переулков робко втекали в них ручейки. И крыши всех зданий тоже были ярко раскрашены. При этом все крыши, фонарные столбы оцетинились острыми короткими металлическими зубьями, словно на всех крышах лежали перевернутые бороны. Балашов не мог не сфотографировать и это. Сработала и его давняя журналистская привычка: куда бы он ни приезжал, заселившись в гостиницу, первым делом делал снимок из окна. Сюда он приехал поздно ночью, стало быть, снимок мог сделать только утром.

Балашов хотел было отойти от окна, но на стене противоположного здания разглядел граффити. Одна надпись гласила: «КЗП — наше будущее. Изгоним Горюнова из нашего города!» Надпись, по всей видимости, старая, краски поблекли, к тому же она крест-накрест была перечеркнута относительно свежей черной краской. И почти рядом чернел силуэт бородатого человека, а его окружала надпись: «КЗоП — спасение. Горюнов — наш учитель! Горюнов жив!» Балашов подумал, что редактор, отправляя его в командировку, был прав: загадочное начинается у порога.

А ведь он, Балашов, не хотел ехать, отнекивался. Редактор убеждал: полная загадочность, слухи о Городе зонтов (его уже так и называли между собой) множатся, но никаких живых, реальных свидетелей нет, никто из этого города не показался в областном центре. Посылали несколько раз беспилотники, но дроны не возвращались.

Ночью, когда он подъезжал к городу, мало что можно было разглядеть, он помнил только, что заметил очертания темной башни — зловещей она показалась.

Александр Борисович Жданов — поэт, прозаик, художник, искусствовед. Член Союза российских писателей и Творческого союза художников России. Родился в 1956 году в Баку. В 1982 году окончил филологический факультет МГУ. Работал преподавателем в школах. В 1989 году переехал в Калининградскую область. Публиковался в журналах «Запад России», «Балтика», «Литературный Азербайджан», «Нева», «Берега», в интернет-журналах «Твоя глава», «Бюро Постышева», в альманахах «Российский колокол», «Литера К», «Эхо». Автор трех сборников стихов, пяти книг прозы, альбома живописи и графики и трех учебных пособий по истории изобразительного искусства.

В справочном окне приветливая девушка дала адрес подходящей гостиницы, объяснила, как вызвать такси. Балашов еще обратил внимание, что, говоря с ним, девушка слегка привстала и оглядела его из окошка сверху вниз, задержалась взглядом на пустых руках (сумка с вещами стояла в ногах Балашова) и еле заметно пожала плечами. Значение этому Балашов не придавал, как и тому, что таксист остановил машину очень близко к зданию вокзала, почти вплоты. Удивился, когда, выходя из такси, услышал от водителя:

— А зонтик что же, забыл? Ну-ну.

И регистрировавшая его в гостинице девушка, уже оформив документы, протягивая ключи от номера, спросила:

— А где же ваш зонтик?

Почему-то вспомнив таксиста, Балашов ответил:

— Да забыл вот...

Девушка не удивилась. Она нагнулась, достала из-под стойки новенький, упакованный в целлофан зонтик и протянула Балашову:

— Это входит в перечень наших услуг. Для таких вот забывчивых постояльцев, — девушка улыбнулась, — у нас в наличии новые зонты.

Принимая зонтик, Балашов спросил:

— Мне надо будет его вернуть при выписке?

— Нет-нет, я же сказала, что это входит в перечень услуг, зонтик ваш, — сказала она. — Он вам нужен будет уже всегда.

Утром зонтик, так и не распакованный, стоял в углу.

У Балашова не было никакого плана. Он не знал, куда идти, с чего начать, с кем встретиться. В таких случаях он поступал просто: входил на улицу, и ноги в конце концов сами приводили его в нужное место. Наскоро умывшись, побрившись, Балашов оделся. Он решил не завтракать в гостинице, а перехватить где-нибудь чашечку кофе и решительно двинулся к двери. Зонтик он схватил в последний момент.

Внизу дежурила уже другая девушка, но и она приветливо улыбнулась и спросила:

— Зонтик не забыли?

— Нет-нет, вот он, — торопливо ответил Балашов, показывая девушке зонтик.

Девушка засмеялась:

— А что же вы его не распаковали? Давайте я вам помогу. Вон там урна, выбросите упаковку.

Балашов взял из рук дежурной распакованный зонтик, а скомканный целлофан послушно опустил в урну. Целлофан, потрескивая, раскрылся и не желал опускаться. Пришлось Балашову подтолкнуть его концом своего нового зонтика.

Только на улице он смог вздохнуть свободнее и осмотреться. Улица была полна людей. Все шли под зонтиками, от их ярких красок рябило в глазах. Балашов единственный шел с зонтом как с тростью, и то и дело ловил на себе изумленные взгляды. Но взгляды эти не заботили его. Но смотрел по сторонам, вглядывался в лица прохожих, в то, что окружало их всех. Вокруг было много баннеров, и уже они, а не граффити на стенах домов сообщали ««КЗоП — спасение!» Изредка встречались баннеры с силуэтом бородатого человека и надписью: «Идеи Горюнова — в жизнь!» Все это было занято, но общая картина пока не складывалась.

Балашов шел все дальше и дальше, люди по-прежнему бросали на него недоуменные взгляды. Парк справа показался Балашову заброшенным, во всяком случае, туда люди не сворачивали, а старались быстрее миновать это место, в глубине Балашов успел разглядеть полуразвалившееся строение, очевидно бывший аттракцион.

И вдруг... Вспоминая позже происшедшее, Балашов ясно помнил: сначала он услышал шум и увидел, как засуетились люди. Они стали топтаться, пытались сжаться,

съежиться под своими зонтами — и солнце скрылось. Балашов поднял голову и увидел огромную стаю птиц. Их было так много, что казалось, они сетью повисли над всем городом. Птицы надрывно кричали. Мгновенно Балашов с головы до ног вес оказался в жидком птичьем помете. Стоявшие рядом люди бросились врассыпную, еще крепче держа над головами зонты. Вдруг из стены ближайшего дома выдвинулись соски кранов — и мощные струи воды обрушились на Балашова, вода смывала с него птичий помет, а люди обегали как можно дальше. От неожиданности Балашов закрыл глаза и стоял так с закрытыми глазами, обдаваемый водой. Внезапно он почувствовал, что кто-то схватил его за руку и потащил в глубь парка. Странное дело — Балашов не сопротивлялся, почувствовав, что там его спасение.

Тем временем птичьи крики смолкли, утих и переполох. Балашов открыл — он стоял у полуразрушенного аттракциона. Птиц над улицей не было, а люди под зонтами быстро покидали это место.

Балашов почувствовал, что его тянут за штанину брюк. Из развалин аттракциона к нему тянулась рука, явно призывая проникнуть внутрь. Не выпуская из руки так и не раскрытого зонта, придерживаясь свободной рукой за кирпичи, Балашов спустился в подземелье.

2

— Ну, ты даешь, мужик! Приезжий, что ли? Что ж ты зонт-то не раскрыл?

Глаза Балашова постепенно привыкали к темноте, и он уже различал фигуру человека, по всей видимости, своего ровесника.

— Да, приезжий, — ответил он, — журналист.

— Вот как?! — незнакомец присвистнул. — Какими это судьбами? И главное, зачем? Журналистов у нас лет пятнадцать не было.

— В командировку приехал. Про город ваш странный писать. Почему все под зонтами ходят? Почему никого от вас в других местах нет?

— Да-а-а, не повезло, — загадочно продолжал незнакомец.

— Кому не повезло?

— Ни тебе не повезло, ни мне, ни кому другому.

— Загадки какие-то, тайны. Что сейчас произошло? — Балашов начинал раздражаться.

— Ну, с тем, что произошло, особой загадки нет, — улыбнулся незнакомец, — птицы тебя обгадили по самое-самое.

— Это-то я понял! Но почему? Почему внезапно мыть меня стали?

— Экий ты быстрый! Не все сразу. Для начала тебе надо обсохнуть и переодеться.

— Переодеться хорошо бы. Но во что?

— Гришей меня называй, — сказал незнакомец и исчез. Балашов уже вполне мог разглядеть все вокруг и видел две двери в подсобные помещения аттракциона.

Григорий вынес аккуратно сложенные джинсы, рубашку и легкую куртку. Заметив, что Балашов замялся, сказал:

— Бери, бери. Не брезгуй — вшей, блох и прочих зверей нет. У меня все в порядке, не смотри, что бомжом живу. И пройдем-ка давай туда, в комнату — нечего в прихожке торчать, — Григорий явно считал свое жилище квартирой.

Пока Балашов передевался, хозяин подземной квартиры поставил на старый, оставшийся с прошлых времен конторский стол чашки, вскипятил кипятивником воду, заварил чай.

— Значит, приезжий, говоришь, журналист? Что ж... Коль я тебя из-под обстрела вытащил, то и дальше помогу. Остановился в гостинице? Я-а-асно. Свои вещи оставишь здесь, в гостиницу пойдешь в моем. Завтра придешь — обменяем назад.

- Гриша, может, все-таки объяснишь, что случилось.
- Объясню, но не все сразу. Сначала про птиц. Особые птицы у нас. Они живут на свалке, куда когда-то свезли что-то непонятно токсичное, чуть ли не с радиацией. Помет пташек сейчас крайне ядовит. Птицы прилетают внезапно, огромной массой и гадят сверху. Яркие зонты (особая краска там) немного их отпугивают. Но если попадет-ся кто зазевавшийся, зонтик опустил или отведет в сторону, то держись. А ты совсем без зонта шел — голова! Ведь небось предупреждали тебя в гостинице?!
  - Предупреждали, но я значения не придал.
  - Не придал. Слушаться умных людей надо, даже если это девчонка на ресепшене. Помет, говорю, ядовитый, поэтому везде устроены поливалки. Вот и тебя умыло. Но это не самое печальное. Плохо другое: даже когда с тебя смыли этот помет, когда одежда вроде бы высохла, его испарения остаются около суток. И по ним, по испарениям, специальными приборами легко найти обгаженного человека. Полиция и ищет. Тебя тоже будут искать. Поэтому я твою одежду оставлю, постираю, прожарю. А завтра верну.
    - Зачем полиции искать?
    - В карантин определяют. Говорят, что лечат. Только не припомню я, чтобы кто-то из карантина вернулся. Так что будь осторожен.
    - Странные птицы. Откуда они взялись? И надписи какие-то странные: какие-то КЗП, КЗоП, какой-то Горюнов.
    - А ты не спеши. Всему свое время.

3

Зима в тот год была суровой, и городское озерко, вода в котором из-за всяких стоков оставалась теплой, вдруг покрылось прочным льдом. Оставалась одна небольшая полынья у канализационной трубы, и от нее поднимался в морозном воздухе пар. Когда-то это была обычная ливневая канализация, по которой в озеро стекала дождевая вода. Но во время свободного накопления капитала иметь особняк вокруг озера стало престижным, а самой близкой канализационной системой стала та самая ливневка. Надо ли говорить, что врезались именно в нее? Корреспондент городской газеты Горюнов не раз писал об этих стоках, о загрязнении озера. Власти клятвенно заверяли, что займутся решением проблемы, найдут самовольно врезавшихся. Газета публиковала ответы власти, нечистоты сливались в озеро, пар поднимался над полыньей.

В такой зимний день в редакцию ворвалась какая-то дама-активистка и бросилась к Горюнову:

— Вы тут про канализации пишете, а на озере лебеди гибнут! Бродячие собаки чуть не загрызли. Еле мы отбили их!

Для Горюнова ничего нового в этих словах не было. Он и сам видел эту полынью и плававших в ней не улетевших на юг лебедей. Впрочем, сам Горюнов прекрасно понимал, почему лебеди остались зимовать в городе.

В зарослях камыша у реки, что текла за городом, у перелетных птиц было что-то вроде перевалочного пункта, здесь они отдыхали, набирались сил для дальнейшего перелета. Случалось, залетали и в город, на озеро, но изредка и как бы случайно. А в тот год почему-то задержались, улетать не спешили. Это была пара лебедей. И тогда налетели бабушки. Они приводили с собой на озеро внуков, приносили буханками хлеб и кормили птиц. Лебединая пара осталась на озере и вывела птенцов. Бабушки воодушевленно кормили и их, и взрослых птиц. Вскоре к лебедям присоединились утки — птичья колония разрасталась. Осенью пара не улетела. Бабье лето затянулось,

зима была мягкой, и птицы перезимовали легко. Все это время сердобольные граждане подкармливали их, хотя в незатяннутом льдом озере они могли бы добыть пропитание и сами.

На следующее лето осталось уже три лебединых семьи, а уток было не пересчитать. И тогда, видя, как многие с умилением смотрят на эту бесконечную подкормку, Горюнов написал резкую статью. Он призывал горожан одуматься, прекратить ненужное кормление, дать возможность перелетным птицам оставаться перелетными, не уничтожать их природные инстинкты. Бабушки возроптали, опубликовали гневное коллективное письмо в альтернативной газете, в которой назвали Горюнова жестоким человеком, не желающим воспитывать чувство сострадания в подрастающем поколении. Горюнов ничего не ответил тогда. Но зимой, когда появилась возмущенная жительница, требовавшая чуть ли не личного участия всех сотрудников редакции в спасении лебедей, Горюнов написал новую статью, еще более резкую. Он повторил все прежние свои доводы и заявил: пока сердобольные граждане не прекратят вмешательство в природу, птицы зимой будут гибнуть. Реакция была предсказуемой. Та самая альтернативная газета, которой владел метивший в мэры коммерсант, развернула травлю Горюнова. Был создан Комитет Защиты Птиц (все слова — с заглавной буквы!), сокращенно — КЗП, возглавила его дама-активистка. Комитет развернул бурную деятельность. Стены домов в городе украшали граффити, растяжки и баннеры: «КЗП — наше будущее. Изгоним Горюнова из нашего города!» И Горюнов исчез. Активисты ликовали. В газете коммерсанта, ставшего на этой волне мэром, появились две статьи, изобиловавшие выражениями: «позорное бегство ненавистника природы», «трусость и жестокость проистекают из одного корня». Улюлюканье продолжалось до тех пор, пока на отдаленном участке реки не нашли сложенную мужскую одежду и часы. Сотрудники Горюнова опознали одежду и часы своего коллеги... Горюнов утонул. Такой исход борьбы немного омрачал сладость победы, но победители сокрушались недолго. КЗП вошел в структуру администрации города, получил бюджетное финансирование.

Тем временем птицы, словно начитавшись газет, надписей на баннерах и растяжках, ринулись со всей округи в город. Будто знали: здесь их в обиду не дадут, здесь можно будет пожить.

И птицы заняли город. Лебеди, гуси, утки, чайки, не говоря о галках, грачах, воронах и голубях, были повсюду. Они без страха садились на балконы, гнездились там, городской парк превратился в птичий базар. Птицы стали выдавливать людей.

Но Комитет Защиты Птиц оставался структурой мэрии и продолжал работу. Тех редких смельчаков, кто, отчаявшись, брался за рогатки или воздушные ружья, ждало судебное разбирательство.

Но приближались новые выборы. И в новых условиях. Комитет Защиты Птиц был сначала выведен из структуры мэрии, а затем и вовсе упразднен. Взамен вскоре создали КЗоП — Комитет Защиты от Птиц. Вспомнили статьи Горюнова, выпустили их отдельным изданием. Отныне лозунгами стали: «Вмешательство в природу — преступление», «КЗоП — спасение. Горюнов был прав!». Чтобы исключить всякое кормление птиц, озеро обнесли забором-сеткой под небольшим напряжением.

Но птицы не покидали город. Они осаждали все мусорные контейнеры, садились на прилавки на рынке, выхватывали бутерброды, булки из рук зазевавшихся горожан. Выборы приближались. И мэр через КЗоП приобрел ультразвуковые отпугивающие системы — и через неделю в городе не было ни одной птицы. А мэр продлил свои полномочия.

Город ликовал. Люди перестали просыпаться чуть свет от громкого карканья, можно было не отбиваться от стай галок, а то и ворон при подходе к мусорным контей-

нерам, не надо было ежедневно очищать балконы и окна от птичьего помета. Месяц город жил спокойно. А потом птицы вернулись.

Их первое возвращение было страшным. Небо словно затянуло черной тканью, стало пасмурно. Птицы летели сплошным строем и, как нарочно, поливали город своим пометом. Совершив круг над всем городом, птицы умчались обратно. Такие налеты они совершали периодически. Вскоре заметили, что птичий помет, попав на кожу человека, животных, вызывает жжение, на коже возникают язвы, подвергшийся такому нападению долго, мучительно болеет. Поговаривали, что болезнь эта заразна. Людей изолировали, животных уничтожали. Птицы словно мстили людям за то, что раз приручив и приблизив их к себе, люди потом этих птиц прогнали, значит, предали. И от внезапных птичьих налетов не было спасения.

Тогда-то и придумали снабдить все крыши шипами, а людям укрываться под зонтами с отпугивающей расцветкой. КЗоП стал структурой равносильной силовой.

4

Утром Балашов направился в КЗоП, чтобы взять интервью у его руководителя. Но сначала он заглянул в подвал к Григорию. И одежду Грише вернуть следовало, и свою забрать, и опасениями поделиться. С опасений он и начал, когда вползал в подвал к новому знакомому:

— Меня, кажется, вычислили, Гриша. Вчера девчонка на ресепшене говорит: «Вы уже слышали, что произошло? Кто-то подвергся нападению птиц. Вы-то хоть не пострадали? Успели зонтик раскрыть?» Помолчала, а потом спрашивает: «А это ваша одежда? Вчера вы, кажется, в другом были». Боюсь, догадываются они, что это меня птичьим дерьмом обдало.

Григорий покачал головой:

— Хорошего мало. Придется тебе ходить в моем, будто ты в этом и был. Сейчас следить за тобой станут. Знаешь, что я тебе подарю эту одежду. А свою ты в чемодан аккуратно положи — так, будто сменил: приехал в одном, переделался в другое, а девочка могла ошибиться. Наверняка они и в вещах твоих копать будут. Но тут не беспокойся: я обработал твою одежду особым раствором — ни один индикатор не учует помета. Хорошо, что я рядом оказался, не успели тебя сфотографировать. Тоже для полиции.

Балашов хоть и доверял Григорию, в то же время чувствовал, что-то чего-то не договаривает. И Балашов спросил:

— Да сам-то ты кто?

— Меня считают сумасшедшим. Да я, наверное, и есть сумасшедший. В городе, наверху, редко показываюсь: в магазин там сходить, еще что. Но я пишу Историю, историю всего, что произошло. Хотя не надеюсь когда-либо опубликовать. Ладно, давай топай в Комитет. Потом сразу ко мне, расскажешь.

В Комитете его уже ждали. Женщина средних лет вышла из-за стола. Приветливо улыбаясь, протянула руку:

— Здравствуйте, здравствуйте. Рада вас видеть. Нечасто областная пресса балует нас своим вниманием. Присаживайтесь.

Балашов огляделся. Кабинет как кабинет. Два плаката с уже знакомым Балашову силуэтом и призывами. В шкафу — несколько книжек, статьи Горюнова. Балашов утонул в кресле. Не давая ему первому задать вопрос, женщина заговорила:

— Вас, наверное, интересует деятельность нашего Комитета? Работа проводится огромная и по разным направлениям: техническому, просветительскому... Возьмите, к примеру, техническое. Надо постоянно поддерживать крыши домов в готовности,

ремонттировать расшатавшиеся шипы... А выпуск зонтов? А обеспечение производства специальной краской. К тому же надо разрабатывать новые виды, нельзя стоять на месте, птицы могут быть хитрее нас.

— Птицы?

— Конечно. Вы не представляете, какая серьезная это проблема. Там, на свалке, птицы каким-то образом мутировали, различные виды перемешались между собой. Сейчас это гибридные породы. Они не боятся людей, без опаски садятся на воду. Никогда в живой природе, если бы человек грубо не вмешался в нее, такое не могло произойти. Тысячу раз был прав Горюнов, учитель наш.

— Кстати, о Горюнове, — попытался прервать даму Балашов. — По всему видно, что в городе его почитают, но некоторых стенах я видел граффити, где Горюнова...

Приветливое выражение мигом исчезло с лица дамы. Она заговорила сухо, подчеркнуто официально.

— Это все наши враги. В каждом городе, знаете ли, есть свои отщепенцы. Они и вредят, они и мешают воплощению в жизнь его заветов. Больше того, скажу: это именно они довели ситуацию до критического состояния.

Балашов почувствовал, что собеседница вот-вот закроется, и интервью сорвется, практически не начавшись. Он потянулся к книжке, лежавшей перед ним на столике, и спросил:

— Вы говорили о просветительском направлении. Я вижу, здесь ваша книжка. Что это?

Дама расплылась в улыбке:

— Очень, очень важное направление просветительское. В школах мы ввели обязательный курс «Невмешательство в природу». Учебное пособие написала действительно я, основываясь на статьях нашего учителя. И уроки веду тоже я. Знаете, не могу доверить никому. Дело Горюнова должны продолжать его сподвижники.

— А вы были сподвижницей Горюнова?

— Одной из самых последовательных. И что значит «была»? Я и сейчас ею остаюсь, хотя учителя нет с нами...

Прощалась она с Балашовым так же приветливо, как и встретила. А сам Балашов из Комитета сразу направился к Григорию: не терпелось поделиться впечатлениями и вообще обсудить дело с тем, кто, по всей видимости, знает немало.

Григорий тоже ждал Балашова и подготовился к встрече.

— Вот гляди, что я нашел в своих залежах, — выложил перед ним стопку фотографий и газетных вырезок. — Думал, что все уничтожил, небезопасно, знаешь ли, держать. А вот оно. Словом, гляди.

Балашов рассматривал вырезки, пробежал глазами статьи, в том числе и статьи Горюнова, пока не наткнулся на фотографию в газете.

— А это кто? — удивленно спросил он.

Григорий взглянул искоса на фотографию и ответил спокойно:

— Как это «кто»? Это та самая дама, с которой все началось, которая организовала движение против Горюнова. А потом возглавила КЗП.

— Так я разговаривал сегодня с ней! Она председатель КЗоПа! Говорила о том, как много делает Комитет, говорила, что она верный сподвижник и последователь Горюнова!

Балашов еще раз всмотрелся в фотографию:

— Точно она! Не мог я ошибиться!

Григорий отвечал спокойно:

— Да не кипятись ты. Что в этом удивительного? Сегодня один комитет, завтра — другой. Выбрось из головы.

Но Балашов, держа в руках газетную вырезку, продолжал переводить взгляд с фотографии на Григория и обратно. Потом положил вырезку на стол, вздрогнул и внезапно сказал:

— Гриша, а ведь ты и есть тот самый Горюнов! Так?

Григорий покивал головой:

— Догадался... Долго вычислял?

— Не знаю. Как-то сейчас осенило.

— Ну, я. Что с того?

— Что же ты тогда в подвале живешь, бомжуешь? Ты же у них герой.

— Герой. Только не я, а тот, который намалеван на стенах. Ты заметил, что там практически нет лица? Они не помнят, как я выгляжу и выглядел. За пятнадцать лет забылось. А все фотографии еще тогда уничтожили. Это меня и спасает.

— То есть как — спасает?

— Меня же никто не узнает. И я время от времени могу добежать до магазина, могу — чаще ночью — пройтись по улице, ноги размять. Я им нужен как символ. А живой ни-ни.

— То есть ты хочешь сказать, что тебя убьют?

— Скорее всего, устроят шоу. Покажут по телику, объявят, мол, появился самозванец, который хочет опорочить дорогое для нас имя, и публично, громко упрячут в психушку. Чтобы другим неповадно было.

Чай они допивали молча. Горюнов заговорил первым:

— Ладно, хватит тоску разводить. Давай лучше стихи читаем. Ты много стихов знаешь?

— Много, — искренне ответил Балашов.

— Поверю... Но все равно меня не переплюнешь. Давай, кто первый не сможет продолжить, собьется, замнется, тот... Э, ладно, наказание потом придумаем...

Они читали стихи, перебивали друг друга, и Балашову впервые за все время нахождения в городе было легко и спокойно. И вдруг он резко остановился и спросил:

— Почему же наши дроны не возвращались?

— Не знаю. Возможно, птицы видят в них противников и уничтожают. А может, и Комитет сбивает.

— Комитет? Он же борется с птицами..

— Видно, не только с птицами. Сейчас ведь Комитет — это Структура. Соображаешь? Ну-ка объясни мне, почему из карантина никто не возвращается? Соображения есть?

— Есть-то есть, но хочется подтверждения.

— Видишь ли, когда хватают «обстрелянных», мало кто хочет быть рядом, светиться. Это объяснимо. И никто не хочет выяснять, почему вместе с обгаженными иногда пропадают и другие. Объяснить или сам догадаешься кто? Так что птички, может, и помогают кому.

Балашов кивнул и тут же спросил:

— Горюнов, слушай, а почему ты не уедешь отсюда?

— Ладно, тебе пора, — ответил тот мрачно. — В гостинице строго следят за тем, чтобы постояльцы возвращались.

Вдруг Горюнов сорвался:

— погоди, задержись! Я мигом!

Он действительно вернулся очень быстро с флешкой в руке.

— Здесь вся моя история. Вся история Города зонтов. Может, сумеешь вывезти. Здесь вся моя жизнь, ее смысл.

Балашов пообещал...

Когда утром он стоял у стойки регистрации, девушка спросила:

— Вам понравилось у нас? Вы что-то рано уезжаете. Приезжайте еще. Знаете? Я оставлю номер за вами. И не забудьте зонтик.

У кассы на вокзале не было никого, и билет Балашов купил легко. К перрону, медленно притормаживая, подходил состав. Балашов бросился на перрон.

В купе он был один. Проводница принесла чай и постельное белье, сама заправила постель и, пожелав Балашову счастливого пути, ушла к себе. Балашов сел на полку и устало откинулся назад. Он сделал несколько глотков чая, поставил стакан на столик и прикрыл глаза. Три дня, проведенные в этом странном Городе зонтов, казались ему целой жизнью. Он устал, душевно состарился. Он хотел одного: быстрее приехать домой, принять ванну, отоспаться, а потом разобраться с записями Горюнова.

Поезд шел, бодро покачиваясь. Под этот такт Балашов задремал. Очнувшись он от ощущения, что поезд сбавляет ход. Действительно поезд шел медленнее, он подъезжал к очередной станции. Балашов посмотрел в окно. Вдалеке зловеще чернела башня, а дальше, над городом, как висела черная сеть, зависли птицы.

Балашов подошел к ручке стоп-крана.

СТРЕЛА АКТЕОНА

1

И снова лютый холод пронзил сердце Федора. Холод этот прутлом входил в сердце и убегал по хребту вниз. Такое случалось, когда ночами слышался волчий вой. И от понимания этого еще больше страдал Федор. Ведь были годы, когда ночная песня серого звучала призывно, поднимала в душе Федора, потомственного охотника, решимость и даже отвагу, и не терпелось тогда Федору схватить ружье и двинуть в ночь, в неизвестность, на схватку. Но мальчишеский задор тогда Федор гасил, поддаваться такому порыву казалось ему несолидно.

Охота была для Федора не забавой, не пьянкой с друзьями в лесу в конце недели — работой была охота. Служил Федор штатным охотником в заготконторе. В основном он по пушному зверю работал. Работа тонкая, можно сказать, ювелирная, требующая точного глаза, твердой руки, выдержки — какая уж тут пьянка?! Но пушнина пушной, а когда собирали облаву на серых, Федор не отказывался.

Да и могла ли быть у него другая профессия? Охотником был его дед, охотником — отец, и сам Федя приобщился с раннего детства. Сначала только смотрел, как отец чистит ружье, набивает и закатывает патроны, Потом напросился к отцу в помощники. Отец поручил ему закатывать специальной машинкой набитые гильзы. С первого раза у Феди получилось хорошо, и отец — и отец похвалил. А потом впредь готовить патроны стало Фединой обязанностью. Потом уж на охоту с отцом ходить стал, зайчиков добывал легко. И волка своего первого добыл подростком. Ну, как добыл? Отец, конечно, выследил, удобное место выбрал, дал сыну в руки ружье — целься! Даже встал рядом так, чтобы, случись при выстреле сильная отдача, удержать мальчонку. Федька прицелился и выстрелил. Попал сразу и точно — зверь подлетел, перевернулся в воздухе и рухнул в снег. Впервые тогда отец посмотрел на сына не снисходительно, а с уважением. И отметил про себя: при деле будет парень, всегда с куском хлеба. Словом, как ни гляди в глубь времен, Волковы всегда охотниками были.

Друзья поначалу пытались по этому поводу пошутить: что это, мол, ты Волков, а волков бьешь? Нехорошо, не по-родственному получается. Федор отшучиваться

не стал, до перепалки не снизошел, но так глянул и так презрительно сплюнул, что запал у шутников мигом иссяк и впредь шутить они не пытались.

Все это было когда-то. А сейчас вот уж в который раз волчий вой не охотничий азарт поднимает в душе, а опускает на нее тоску, а в сердце — холод.

Вой не стихал. Федор встал со скамьи, прошелся вдоль окна, погладил висевшее на стене ружье, поглядел на склонившегося над уроками сына Андрея.

Да-а-а, не в них, не в Волковых пошел малец: охотой не интересуется, в лес ходить хоть и любит, но ходит не так, как сам Федор и другие мужики. В лесу Андрюха то подолгу слушал стук дятлов, стрекот сорок, а то прислонялся спиной к стволу старого дерева, задирает голову и смотрел в небо. Как чужой, неродной, прости Господи!

А еще Андрюшка книжки любит. Часами сидит, читает. Раз Федор в шутку спросил: — Что ты все, склонившись, сидишь? Что за истории читаешь? Рассказал бы отцу. Да что там рассказывать, про охоту небось и нет ничего?

И посмотрел на сына по-особому: склонив голову и чуть искоса. Так смотрел отец, когда хотел вызвать сына на разговор, мол, покажи, на что способен. А сын серьезно так сказал:

— Могу и про охоту.

И рассказал. Про вечно юную богиню Артемиду. Как легко бегают она с луком и колчаном стрел за спиной по лесам и полям, как стреляет без промаха, как сопровождают ее охотничьи собаки и юные нимфы. Но не только смертельные стрелы посылает Артемида, она заботится о лесных жителях и не позволяет бездумно убивать их. А еще рассказал об отважном охотнике Актеоне. Никто из смертных не мог лучше него выследить зверя, никто не стрелял из лука так метко, как Актеон. Знала Артемида об этом охотнике. Знала и в глубине души, наверное, завидовала, не хотела, чтобы кто-нибудь сравнялся с ней в искусстве охоты.

Однажды охотился Актеон вместе со своими друзьями. Жаркий был день, устали охотники и укрылись в тени леса. Актеон отошел дальше и вдруг... Лучше бы не уходил он от друзей! Сквозь листву и ветви увидел Актеон источник, а в нем Артемиду. Сняв одежду, она купалась жарким днем. Артемида обернулась, и их взгляды встретились. Сильно прогневалась богиня на Актеона за то, что увидел он ее нагой, и тут же превратила охотника в стройного оленя. В ужасе бросился он в чащу. Но тут его увидели собаки. Его, Актеона, собаки. Они бросились за оленем и загрызли своего бывшего хозяина.

Такую историю рассказал Андрюха отцу, думал, посмеется тот, вспомнит свои школьные годы, школьную программу. А Федор нахмурился. Школьную программу он не помнил, и история ему не понравилась. Во-первых, эта — как ее? — Артемида, не баба даже — девка, а занялась мужским делом, словно отняла у мужчин их вековое занятие. Потом, понятное дело, что завидовала она хорошему охотнику, тут к бабке не ходи. Завидовала, потому и погубила. А то, что нагишом ее увидел, так это отговорки только. Особенно же не понравилось Федору, что загрызли Актеона свои же собаки. Как же так?! Собака хозяина всегда почует и узнает, в каком бы обличье он ни был. Никак, и на собак безумие нагнала. Вредная девка, дура, одним словом.

Нет, не понравилось все это Федору. А коли так, то забыть бы историю, выбросить из головы, как ненужный хлам. Да, глядишь, и забыл бы ее Федор со временем, кабы не внезапный старикашка.

Появился он невесть откуда, как калика перехожий, и канул неизвестно куда. Однако мужиков смутить успел. В поселке все, почитай, охотники. Даже если не в заготовочном значились, все равно у каждого в доме ружьишко было, а дедок этот хитро прищурился и спрашивает:

— Значит, говорите, охотники вы все? Зверя промышляете? Душегубы вы! И ты душегуб, — наставил он на Федора длинный, сухой, узловатый палец. — Сколько зверья загубил! Гляди — сам зверем станешь. И другие на тебя охотиться будут.

Федор от этих слов опешил и впервые не знал, что и ответить. Мужичонка махнул рукой и пошел куда глаза глядят. Пустой старикашка, никчемный, а Федору не по себе стало.

С тех пор и муторно на душе у отменного охотника. Вот и ходит Федор по дому и поглаживает время от времени ружье на стене.

2

Когда стемнело, Волк вылез из своего логова. Повел по сторонам головой, осторожно принюхался — запаха опасности не было. Он вытянул задние лапы, выгнув спину, потянулся. Еще раз оглядевшись, Волк пошел. Он давно уже ходил ночами по этому пути.

По небу плыли серые облака, которые в ночи казались белесыми и были светлее неба. Бегущие облака то прятали за собой луну, то она выныривала вновь. Но эти прятки луны Волка больше не беспокоили, он медленно шел вперед. Вот и сосна. Здесь ему надо остановиться, сюда он приходит каждую ночь. Волк встал, обошел сосну во круг и стал нюхать снег. Он нюхал снег долго и старательно, словно хотел запомнить то, что неминуемо иссякало и исчезало. Запомнить исчезающий запах своей подружки. Да, наверное, уже и не было никакого запаха, оставалась только память о нем. Но Волк нюхал, нюхал, запоминал. Каждую ночь приходил он сюда, чтобы проделывать это — с того самого дня, когда люди убили его подружку.

Он очень изменился с той поры, этот совсем еще не старый хищник. Он должен был стать вожаком, но не стал и даже не стремился. Он не только уступил это место более молодому и нахрапистому сородичу, он сделал большее — ушел из стаи. Он знал, что поступить иначе нельзя. Его печаль сородичи могли счесть за слабость, а слабость лидеру не прощают не только люди.

Теперь Волк был одиноким. Теперь только от него одного зависело, ляжет ли он спать сытым, или брюхо будет сводить от голода. От него одного зависело, вернется ли он в свое логово или, получив кусочком свинца удар в голову или сердце, нелепо подпрыгнет и навсегда замрет на снегу. До сих пор от опасности ему удавалось уйти. Опасность он чувствовал задолго до того, как она обозначалась вдали. Но и при этом Волк был крайне осторожным: нельзя было ему глупо погибнуть. Потому что сейчас его вели только память и месть.

Обнюхав снег, Волк поспешил дальше. Теперь он двигался быстрее, теперь надо было успеть взбежать на холм, с которого хорошо был виден поселок, до того, когда ветер изменит направление. Волк уселся на холме и завыл. А ветер понес этот вой к поселку. Вой долетал до домов, и люди с тревогой крепче запирали овчарни и хлева, спускали с цепей собак, и те бегали по дворам, время от времени подбадривая друг друга лаем, сквозь который предательски пробивался страх.

Люди не знали, что всего этого можно было и не делать, люди не знали, что Волку не нужны были их овцы и телята. Волк не был жалким воришкой, он никогда не забирался в овчарни, не утаскивал добычу из-под носа людей. Пропитание он добывал в честной погоне. И нужен был Волку только человек. Один, определенный человек — тот, что убил его подружку.

Сегодня он особенно устал. Перестав выть, он принюхался и прислушался. Нет, не мог он понять, что происходило в поселке: ветер относил звуки и запахи прочь от него.

Посидев еще немного, он коротко завыл напоследок, резко оборвал вой и отправился назад.

3

Не одного только Федора тревожил леденящий душу ночной вой. А в последнее время стал вой слышаться яснее, словно ближе к поселку подошел хищник. И уже говорили мужики, что видел кто-то волчьи следы близко к домам. Что оставалось делать? Только одно: выследить, обложить зверя и пристрелить. На том и порешили и Федора — кого же еще? — старшим поставили.

Все шло, как обычно. Каждый из охотников вышел на свой номер, каждый знал, что ему делать. Только у Федора на душе было беспокойно. По маленьким, только ему, опытному охотнику, видимым приметам Федор чувствовал, что ведет себя зверь странно для матерого хищника: вроде и не прячется даже, не опасается охотников, а затеял с ними игру. Многое успел передумать Федор, прежде чем увидел желтые глаза. Прямо перед ним сидел Волк и, не мигая, глядел прямо на Федора. И снова холодный металлический прут пронзил сердце охотника и сковал руки, и ружье Федор не поднимал. И тут он испугался. Коротко испугался, на самый малюсенький миг промелькнул испуг в глазах Федора. Волк увидел то, что хотел увидеть. Удовлетворенный, он развернулся и поспешил в чащу. «Как человек, ей-богу», — успел подумать Федор.

Через мгновение он спохватился, вскинул ружье и выстрелил вслед уходящему зверю, но только сшиб с осины ветку.

— Чертов старик! — в сердцах бросил Федор.

Подоспевшие товарищи обступили его:

— Ты че это не стрелял?! При чем старик?! Что за старик?!

— Да помните, старикашка такой невзрачный в контору приходил? Калика переходный. Все страшал нас. Мол, зверя бьем — сами зверями станем, — Федор говорил, будто оправдываясь.

А мужики недоуменно переглянулись:

— Ты че это, Федь? Приснилось, что ли? Не было в конторе никакого старика, приснилось. Или, сознавайся, перепил вчера? Перепил — вот и промахнулся. Сам же всегда говорил: перед охотой ни-ни.

— Не пил я! Не пил! — уверял Федор, а потом спросил: — А что, старика на самом деле не было?

Друзья только головами покачали. А кто-то и повертел пальцем у виска.

Вскоре нелепый промах Федора стал забываться, да и сам ушедший от расправы хищник перестал досаждать. Уже около месяца не раздирал людские души ночной вой. Словно Волк удовлетворил свое самолюбие, увидел испуг в глазах своего врага — и ушел восвояси.

Февральские ветры гнали поземку, сдували снег, заматали слабые следы. И уже ждали уставшие от ветров и морозов люди поворота солнца на лето. Тут и стали пропадать овцы. Раз мужики и свежую кровь на снегу заметили, и следы волчьи, хотя читались следы с трудом.

— Гляди, Федор. Твой приятель снова пожаловал, — говорили охотники.

Но Федор был уверен: не он это. Другой хищник приходит — молодой, малоопытный. Но мужики разбойника выследили и пристрелили, показали Федору. А он только взглянул на лежавший на земле труп зверя с застывшим на пасти оскалом и бросил коротко:

— Не тот зверь. Я же говорил.

Той же ночью снова послышался вой. И на следующий день стали мужики обсуждать, как новую облаву устроить и уж навсегда покончить с бирюком. Федор и тут удивил всех.

— Не нужно облаву, — заявил он. — Зверь в поселок не придет, вредить не станет. Это он за мной. Стало быть, мне одному на него и идти.

Мужики принялись было его вразумлять: не дело на такого матерого и хитрого зверя в одиночку идти, но Федор отрезал:

— Сказал один, значит, один.

Собрался быстро. С собой взял только ружье и большой рюкзак.

К вечеру в поселке забеспокоились: Федор не возвращался. Несколько раз подошли охотники к Федорову дому, спрашивали через забор у жены и Андрюхи, не объявился ли. Те лишь молча качали головами. Ночью в доме не выключали электричества, чтобы мог возвращающийся домой хозяин видеть свет в окне.

Вернулся Федор на следующее утро. Он тяжело ступал, с трудом волоча за собой большой брезентовый плащ, на котором лежал убитый Волк. Опустевший рюкзак жалко свисал за плечами.

— Вот и все, — только и сказал Федор, оставляя добычу у ворот заготконторы, и пошел домой.

Проспал Федор весь день и ночь.

4

А потом Федор пропал. Весной.

Весну в поселке ждали. Так ждут обязательное обновление, которое непременно случится, несмотря ни на что. Случится, потому что так уж заведено. Но ждали весну как-то нерадостно, словно не желали скорого ее прихода. Ведь что такое весна? Снег сойдет, повсюду на долгое время грязь расползется. Погода весной неясная, да и зима нет-нет да станет цепляться за последние деньки. А главное — работы весной у охотников почти и нет. Весной зверя бить нельзя, это каждому известно. Весной не только шкурка у зверя негодная, весной сам зверь другой. Словно меняет его кто: зверь не о своей безопасности печется, а будущим потомством занят. Грех один бить зверя в такое время.

Но в бухгалтерскую ведомость рассуждения такие не впишешь. Ведомость — она цифирь любит. Потому-то в конторе весной мужиков вовсе без дела не оставляли, занятие находили. Но то ведь больше дела хозяйственные, скука от таких дел берет. Словом, неуютная пора наступала.

В такие дни Федор и в прежние годы бывал беспокоен, а нынче после всех зимних приключений и вовсе места себе не находил. То рвалось его сердце вон из груди, неизвестно куда, то такая тоска накатывала, что впору выть по-волчьи. Жена его Анна старалась не перечить ни в чем — срывался раза два Федор на неповинную женщину, да Андрюха подзатыльники получил. И все чаще в задумчивости глядел Федор в сторону леса. А однажды ушел. Закинул рюкзак за спину, взял ружье и ушел.

Вернулся к вечеру. Безо всякой добычи, но спокойный и какой-то посветлевший. На Анну глядел по-доброму, обнял ее одной рукой, прижал к груди, а другой сына по волосам потрепал. А потом достал из рюкзака маленький котелок, а в нем — лесной гостинец. Принес Федор махонькую, сантиметров в пятнадцать березку во мху. Осторожно подал подарок сыну:

— Гляди, Андрюха, чудо какое. Березка как выросла. Крохотная, а ведь не ветка какая — дерево. Гляди вот: беленькая и листочки на ней. Ты ее сбереги. Пусть подрастет, после у забора посадишь.

Березка сыну понравилась, он сразу пристроил ее на подоконнике, не обратив внимания на странные слова отца: тот ведь сказал «посадишь», а не «посадим».

Это было в среду. А в пятницу Федор вновь забеспокоился, вновь ходил по дому, не находя себе места. Правда, на жену и сына не кидался, напротив: дров нарубил, несколько раз выходил в хлев и в сарай, подправляя там что-то. А потом вовсе удивил домашних. Полез на антресоли, достал оттуда старый, пылью забитый волчий полушубок, натянул на себя. Полушубок и впрямь был стар, а в одном месте с левого бока темнело бурое пятно: когда-то давно подпалил этот бок Федор, сидя у костра. Почему-то именно полушубок надел Федор, хотя была у Федора современная теплая и легкая куртка — в конторе всем промысловикам выдавали. Буркнул под нос что-то вроде: «Не ждите» — и ушел.

Всю ночь Анна и Андрюха снова ходили от окна к двери, прислушивались к каждому шороху во дворе — Федор не было. Не появился он и в субботу. В воскресенье мужики собрались и пошли прочесывать лес. Но делали это неохотно. Видели в этом неуважение к опытному охотнику. Ну, нет его два дня — редкое ли дело для таежного охотника?! Ходили мужики по лесу, испытывая неловкость. А что как встретят Федора, что скажут ему? Мол, вышли тебя искать, как дитя малое? Обидится, чего доброго, — прав будет. Словом, пропетляв, вернулись мужики в поселок.

Но Анна места себе не находила и к вечеру добралась до участкового. Тот внимательно выслушал и посоветовал:

— Вот что, Анна, сегодня воскресенье, да и вечер уже, в отделении только дежурные, серьезно никто заниматься не станет. Завтра с утра поедем в райцентр (сам тебя отвезу), там у меня приятель майор — толковый парень, к нему и сходим. Ты только паспорт Федора захвати. Да фотографию поищи. Покрупнее.

Утирая покрасневшие глаза, Анна согласно кивала.

В понедельник участковый, как и обещал, подкатил к дому с утра — Анна была уже готова. Участковый не обманул, отвел Анну к знакомому майору. Тот подробно расспросил что да как, принял от Анны заявление. А пока Анна рассказывала да разные бумаги подписывала, молодой лейтенант колдовал с фотографией Федора у компьютера. Принтер зажужжал и выпустил лист. На нем Анна успела разглядеть портрет своего Федора и напечатанные крупными буквами слова: «Пропал человек», «Помогите найти» и еще что-то в таком роде. Майор взял из рук лейтенанта лист и протянул Анне:

— Проверьте. Все ли верно указано.

Анна взглянула на бумагу, и сердце остро защемило — только теперь, прочитав о Федоре на казенной бумаге, Анна по-настоящему поняла: муж пропал.

Майор сам тоже бумагу просмотрел, одобрительно кивнул и протянул лейтенанту:

— Давай, лейтенант, размножь. Развесим по району и на нашем стенде.

А Анна не поняла:

— Зачем же здесь вешать? Он в лесу пропал, не в городе.

— Так положено, гражданка, — ответил майор. — А вы что же, в лесу вывесить хотите? Для лосей и медведей? Так они читать не умеют. Поезжайте домой и ждите известий.

Анна криво улыбнулась и поднялась.

5

Невесело начались для Андрюхи летние каникулы. С тех пор, как пропал отец, ему многое из мужских дел в доме пришлось взять на себя. Он многому научился за эти месяцы: подбить, подпилить, отремонтировать. При этом надо было ходить в шко-

лу, жить тою, школьною, жизнью. И Андрюшка жил. Старался ничем не отличаться от своих товарищей, участвовал во всех школьных делах, но ни от кого не ускользала печаль в его глазах.

Учился он хорошо. Хорошо и год окончил, даже отлично, но не радовала его вся в пятерках ведомость. Андрюха считал, что учителя не то чтобы завывают ему оценки, но только спрашивают как бы понарошку, недостаточно серьезно. Он еще ответить полностью не успеет, а его останавливают:

— Достаточно. Молодец. Садись — пять.

Словно не верят ему, словно опасаются, что он ошибется, что-то неправильно скажет, вот и спешат остановить. Андрюха понимал, что его жалеют, что в глазах других он словно как сирота. А кто же сироту обидит? И так по всем предметам. Только историк Валерий Ильич в жалостливость не играл, спрашивал на уроках серьезно, задавал дополнительные вопросы и даже поручал выполнять дополнительные задания. И вообще взял над Андрюхой шефство, заметив его интерес к мифам.

Однажды Валерий Ильич спросил у Андрюхи, как он думает, почему мифы до сих пор интересны людям. Независимо от возраста интересны. Почему сказки люди только в детстве читают, а к мифам возвращаются всегда? Андрюха ответа не знал. Тогда Валерий Ильич сказал:

— В мифах скрыто понимание жизни. В мифах пытались люди жизнь объяснить, и как многое в современной жизни с мифами перекликается.

Андрюха задумался. А потом и сам стал замечать, что в жизни и впрямь многое происходит так, как описано в мифах. Вот, например, Актеон. Какие меткие стрелы он посылал, каким славным охотником был! И какая-то нелепость изменила все. Отец тоже отличный охотник, а где он сейчас?! Или вот тоже: и полгода не прошло с исчезновения Федора, а к матери уже подкатывают женихи. Не сразу, конечно. Поначалу все прилично обставляли: приходили, расспрашивали, сочувствие выказывали. Потом раз появились с бутылкой, мол, хоть хозяйина и нет дома, день рождения его отметим. Анна не прогнала, даже стол во дворе накрыла. Вроде за все время о Федоре только и говорили, но Андрюха видел их противные неискренние взгляды и улыбочки. А однажды пришел дядя Степан с двумя дружками. Принес гостинец — большую коробку шоколадных конфет, никак, в райцентр за нею съездил. Принес и стал какие-то ласковые слова говорить. Анна молча стояла, вытирая мокрые руки о фартук, и подарок не брала. Как хотел Андрюшка, чтобы мать не протянула рук к этой коробке, не приняла подарок! Он бы не удержался, съел бы конфету-другую. И этим предал бы отца. И как он обрадовался, когда услышал слова матери:

— Ты что это, Степан, никак, свататься пришел? Что же вы, товарищи-друзья, Федю так быстро забыли? Даже по закону год пройти должен, чтобы его пропавшим без вести признали, а вы... Не совестно?

Как же хотел Андрюха, чтобы сейчас случилось, как в мифе. Чтобы появился отец, поначалу никем не узнанный, а потом разогнал бы всех! Но Федор не приходил.

Со временем приятели отца все же перестали докучать. И решительность Анны была причиной, и время. Лето пролетело, а осенью пришла пора готовиться к новому сезону. К тому же снег выпал рано: на Покров все белым-бело было. В поселке так и говорили «на Покров», хотя церковные праздники не отмечали, да и не разбирались в них, в церковь никто не ходил. И не было в поселке церкви — в соседнее село ехать надо было. Словом, не до сватовства.

Вечера быстро стали серыми, а потом и вовсе темными, почти черными. И тогда снова послышался вой. Доносился он с того самого холма, откуда прежде нагонял тоску и страх убитый Федором хищник. Каждый вечер в одно и то же время выл се-

рый — хоть часы сверяй. И стали уже мужики поговаривать о новой облове. Но странное дело: Андрюха этого воя не боялся, Андрюха слышал в этом вое то, чего не могли различить другие. Андрюхе слышались в вое тоска и печаль. Словно жаловался хищник на судьбу, будто рассказать что-то хотел. И Андрюха решил сходить и поглядеть, вдруг и впрямь беда какая стряслась. Матери, конечно, ничего не сказал. Время выбрал подходящее: у него каникулы, в школу не надо, мать на работе — успеет он обернуться.

До холма дошел Андрюха на лыжах легко. Осмотрелся — никого, никаких следов. Он обошел холм вокруг — тоже чисто. Тогда Андрюха двинулся дальше к лесу. Идти было приятно, у самой границы леса он засмотрелся на снегирей, потом застрекотала сорока — Андрюха задрал голову, надеясь увидеть ее, пока она не перелетела на другую ветку. И тут он почувствовал на себе взгляд.

Андрюха оглянулся. Меж деревьев, на расстоянии одного прыжка от него стоял волк и внимательно смотрел на Андрюху. Странно смотрел: не злобно, не затравленно, а склонив голову и немного искоса, словно говорил: покажи, на что способен. Волк был крупный, с красивой серой шерстью, лишь на левом боку виднелось бурое, словно подпалина, пятно.

Никакого страха Андрюха не испытал, ему не хотелось убежать, спрятаться. Волк был ему интересен. Но тут до мальчика долетели далекие голоса. Охотники, решил он. Андрюха осторожно коротко скользнул лыжей к волку. Тот не отпрянул, а тоже слегка подался вперед.

— Это мужики за тобой. Беги! — тихо сказал Андрюха и даже попытался топнуть, но с лыжами на ногах это было невозможно. Волк медленно повернулся и так же медленно пошел в глубь леса. Потом остановился, обернулся, посмотрел на мальчика, будто прощаясь с ним.

— Беги, — повторил Андрюха. Волк скрылся из глаз.

Голоса слышались ближе. Андрюха быстро, тяжело дыша, стал скользить на лыжах вдоль и поперек, затаптывая, перечеркивая волчьи следы. Потом свернул, огибая холм, чтобы не встретиться с отцовыми дружками, и заскользил домой.

Андрюха шел и думал: «Только бы собак по следу не пустили».